

— Не знаю, что сейчас с братом Суйцы. Он там один, никого у него нет, куда он мог пойти...

Цзян Цзинъянь помолчал, а затем едва слышно вздохнул. Он посмотрел прямо в глаза Цзян Лэ, словно пытаясь заглянуть ему в самую душу.

— Лэ-лэ, ты уверен, что говоришь правду?

Похоже, Цзян Лэ не ожидал такого вопроса. Он на мгновение замер, его лицо выражало полное недоумение и невинность.

— Какую правду?

Наблюдая за испытующим взглядом брата, Цзян Лэ быстро понял, к чему тот клонит. Его зрачки слегка сузились, и он резко вскочил на ноги.

— Брат, ты что, подозреваешь меня во лжи? — Цзян Лэ смотрел на Цзян Цзинъяня с нескрываемым недоверием. — Ты мне не веришь?

— Лэ-лэ, успокойся, — произнес Цзян Цзинъянь.

— Как мне успокоиться? Неужели ты думаешь, что я намеренно солгал, чтобы подставить Линь Суйцы?

Цзян Лэ сжал кулаки, глядя на брата с гневом и обидой.

— Брат, я твой родной младший брат! Меня похитили, а ты вместо того, чтобы беспокоиться обо мне, выгораживаешь Линь Суйцы? В твоих глазах он важнее меня? Получается, он хороший, а я — злодей? И кстати, ты ведь принес ему подарок, верно?

Видя бурную реакцию брата, Цзян Цзинъянь не ответил на вопрос.

— Лэ-лэ, я не это имел в виду...

Однако Цзян Лэ не хотел его слушать. Он стащил Цзян Цзинъяня с дивана, с силой вытолкнул за дверь и с грохотом захлопнул её.

— Лэ-лэ?

Из-за двери донесся полный гнева и обиды голос:

— Цзян Цзинъянь, я больше не хочу тебя видеть! Иди к своему ненаглядному братику!

Цзян Лэ действительно чувствовал себя уязвленным. Ведь это Линь Суйцы был виновником всех их семейных бед. Если бы не он и его сумасшедшая мать, их семья не стала бы посмешищем для всех вокруг. Брат хоть и любил его, но вечно защищал Линь Суйцы — то открыто, то исподтишка, а теперь еще и допрашивает его из-за этого человека.

Кто из них вообще настоящий брат Цзян Цзинъяня?

Пусть он и подставил Линь Суйцы, Цзян Лэ считал, что не сделал ничего дурного, а брат тем более не имел права его в этом упрекать.

Цзян Цзинъянь стоял в коридоре, глядя на закрытую дверь. Он беспомощно закрыл глаза и потер виски. Он задал тот вопрос только потому, что слишком хорошо знал своего брата. Хотя внешне Цзян Лэ всегда вел себя с Линь Суйцы дружелюбно, Цзян Цзинъянь знал, что тот его не любит.

Несколько раз он случайно становился свидетелем того, как Цзян Лэ намеренно задирает Линь Суйцы. В детстве, например, Цзян Лэ тайком портил ножницами свои собственные книги, а потом, рыдая, говорил родителям, что это сделал Линь Суйцы. Или прятал свои игрушки в комнате Линь Суйцы, чтобы потом обвинить его в воровстве. Если бы Цзян Цзинъянь тогда случайно не увидел эти выходки, он бы наверняка поверил брату.

Он понимал неприязнь Цзян Лэ — как понимал и то, что родители тоже недолюбливали Линь Суйцы. Поначалу он и сам разделял их чувства. Хотя главной виновницей и самым ненавистным человеком была женщина по имени Линь Юэ, Линь Суйцы был невиновен и страдал лишь из-за того, что на него переносили гнев.

Но ведь он был ребенком Линь Юэ.

Все эти годы Цзян Цзинъянь закрывал глаза на мелкие пакости Цзян Лэ в адрес Линь Суйцы. Но нынешнее происшествие было куда серьезнее детских шалостей. Сейчас его больше всего волновало состояние Линь Суйцы — он не знал, что с ним, и, независимо от того, что произошло на самом деле, его нужно было как можно скорее найти.

С этой мыслью он быстрым шагом направился вниз.

Больница Цицы, принадлежавшая семье Пэй, всегда славилась комфортными условиями. Ночь была глубокой, в отделении стационара стояла тишина.

В палате класса люкс горел лишь один прикроватный светильник с мягким теплым светом.

Температура и влажность воздуха были подобраны идеально. Молодой человек под тонким одеялом спал с закрытыми глазами. Его рука, лежавшая поверх одеяла, была обмотана бинтом, а из широкого рукава виднелось тонкое, бледное запястье с уже побледневшими синяками.

В коридоре слышались шаги. Кто-то шел уверенно, но очень тихо, словно стараясь не шуметь.

Ресницы юноши едва заметно дрогнули, но он продолжал спать.

Было пол-одиннадцатого вечера. Пэй Чуань приехал в больницу прямо из офиса, закончив удаленное совещание. Зрелый и красивый мужчина, на лице которого читалась усталость, стоял у кровати и молча смотрел на спящего. Теплый свет падал на лицо юноши, делая его черты мягкими, лишая их холодной отстраненности и заставляя выглядеть особенно беззащитным и послушным.

В последние дни Пэй Чуань был сильно загружен работой. За три дня он заезжал в больницу всего трижды, и каждый раз ненадолго. И каждый раз так случалось, что Линь Суйцы уже спал.

На этот раз он тоже пробыл недолго. Мужчина наклонился, бережно поправил одеяло на юноше и направился к выходу.

Он тихо прикрыл за собой дверь. Ожидавший снаружи врач почтительно поздоровался:

— Господин Пэй.

Пэй Чуань сухо кивнул:

— Как его состояние?

Хотя у него не было возможности приходить самому, телохранители ежедневно докладывали ему о ситуации. Слова врача мало чем отличались от отчетов охраны.

— Внешние раны начали заживать, серьезных проблем нет, но... — врач запнулся.

— Все еще не говорит? — перебил его Пэй Чуань.

— Да, — врач кивнул. — Психическое состояние пациента по-прежнему оставляет желать лучшего. Он послушно проходит все процедуры, но с момента пробуждения не произнес ни слова. Мы пытались заговорить с ним, но он никак не реагирует, просто сидит в тишине.

В его красивых глазах не было жизни — лишь пустота, словно из него вынули душу. Медсестры жалели его и постоянно обсуждали между собой этого необычайно красивого пациента.

— Пациент, скорее всего, перенес сильный стресс. Возможно, со временем это пройдет. Если вы беспокоитесь, мы можем пригласить психолога.

Пэй Чуань поджал губы. Его спокойный, бархатный голос звучал решительно:

— Сделайте всё возможное, чтобы его вылечить.

Разговор снаружи был тихим и невнятным, вскоре всё стихло.

Они ушли.

Лежащий на кровати Линь Суйцы внезапно открыл глаза.

На самом деле он не спал. Точнее, последние несколько дней он не мог нормально заснуть: стоило закрыть глаза, как в голове всплывали ужасные картины прошлого, от которых невозможно было избавиться. Только приняв снотворное, он мог позволить себе забыться на несколько часов.

<http://bllate.org/book/22309/2335763>